

М. В. Медоваров

ПОЗДНИЙ СЛАВЯНОФИЛ А. А. КИРЕЕВ И ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

Статья посвящена рассмотрению русских императоров от Николая I до Николая II, а также великих князей и других членов династии Романовых в сочинениях, письмах и дневниках интеллектуального лидера позднего славянофильства генерала А. А. Киреева. Показана связь теоретических представлений об идеальном монархе в социальной философии мыслителя с его оценками реальных правителей. Рассмотрены оценки Николая I, сложные взаимоотношения Киреева с Александром II и его наследниками. Особое внимание уделено великому князю Константину Николаевичу, адъютантом которого был Киреев, и его потомкам, особенно великому князю Константину Константиновичу и королеве эллинов Ольге. Продемонстрированы способы влияния придворного генерала на политику. Показаны причины его негативного отношения к нравам многих Романовых. Представлена сложная картина двойственных характеристик Александра III в наследии Киреева и причины его возросшего влияния на Николая II. Проанализирован рост критических замечаний в адрес императорской фамилии после 1905 года и разочарование Киреева в последнем русском монархе.

Ключевые слова: А. А. Киреев, славянофильство, монархия, Российская империя, династия Романовых, Николай I, Александр II, Александр III, Николай II, великий князь Константин Николаевич, великий князь Константин Константинович, королева Ольга Константиновна.

Крупнейший идеолог позднего славянофильства Александр Алексеевич Киреев (1833–1910) на протяжении всей жизни верно служил четырем императорам из династии Романовых. Крестный сын Николая I, а затем в течение тридцати лет адъютант великого князя Константина Николаевича, Киреев имел уникальный шанс оценить достоинства и недостатки Романовых изнутри. Те оценки, которые Киреев на страницах своего дневника и писем давал монархам как личностям и как правителям, являются бесценными свидетельствами, позволяющими увидеть императоров такими, какими они представляли в общении со своими приближенными. Следует иметь в виду, что данная проблематика представляет не просто конкретно-исторический, но и теоретический, социально-философский интерес. Киреев выстраивал грандиозные теории сущности монархической власти, существенно развивая и видоизменяя взгляды ранних славянофилов. В связи с этим изучение его взаимоотношений с реальными монархами и другими членами династии Романовых представляет особый интерес. Современными образцами исследований, в которых богатство фактического материала сочетается с теоретическим осмыслением императорской власти и общественных функций представителей династии, являются оригинальные работы Д. М. Софьиной [Софьин, 2013; Софьин, 2016].

1. Царская власть в социальной философии А. А. Киреева

А. А. Киреев обосновывал священность царской власти подчинением царя авторитету Церкви и его верностью православию. Монарх, по его мнению, не может

Максим Викторович Медоваров — кандидат исторических наук, старший преподаватель ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (mmedovarov@yandex.ru).

ни нарушить православные догматы, ни пойти против народного духа и быта. Читая символ веры во время коронации, царь тем самым налагает на себя обязательство не нарушать догматы православия: «Символ веры — вот наша хартия! Другой нам и не нужно!» (ОР РГБ. Ф. 126. К. 9. Л. 202 об., 205). Другим ограничителем монарха выступает народность в смысле культуры и быта русского народа. Соратник Киреева Д. А. Хомяков разъяснял: «Самодержавие, как власть вполне народная и православная, свободна и ограничена в одно и то же время: свободна в исполнение всего, клонящегося к достижению блага православного народа, согласна с церковно-народным понятием об этом благе; ограничена же тем, что сама вращается в сферах церковных и православно-народных понятий... Бытие православного самодержавия основано на нежелании Церкви и народа властвовать и на вручении Церковью царю благодатного дара на власть» [Хомяков, 1993, 28]. Монарх получает политические права, оставляя народу и Церкви свободу быта. Чин венчания на царство, согласно Кирееву, дает «государству *этическое* основание, чем оно принципиально отличается от государства западного, парламентарно-договорного, имеющего основание *юридическое*... Понятие права, юстиции шаткое, зависит от мнения парламентарного большинства. Понятие *этики* — напротив, безусловное, ибо основано на христианской религии» [Киреев, 1896, 38]. Цель русского государства — осуществление царства Божьего на земле, «нравственное развитие своих подданных» путем их сурового воспитания. Такому государству должно подчиняться не только за страх, но и за совесть, писал Киреев. «Отымите у государства это высшее значение... и оно превратится в то жалкое создание, которое порождено теориями разных софистов вроде Гоббса... Руссо... Бенгтама» [Киреев, 1912, I, 198–199, 381–382].

По мнению Киреева, «самодержавие, неразрывно связанное с православием, твердо верящее в себя, не боящееся лежащей на нём ответственности, угадывающее стремления и нравственные потребности своего народа и ведущее его к тем идеалам, которым он верит, конечно, наилучшая из всех форм правительства (по крайней мере, для России)». Однако монарх должен «узнавать действительные нужды и желания народа» путем связи с «землёй». Повторяя формулу К. С. Аксакова «сила власти царю, сила мнения народу», Киреев восклицал: «Без этого права, этой возможности, вытекающей из взгляда народа на своего государя *как на отца*, и столь же священной, как и право детей обращаться к своему естественному отцу, — и семейство и самодержавие превращаются в жестокую, ужасную деспотию!» [Киреев, 1896, 5–7].

В русле типичных для исторической науки XIX в. представлений о происхождении русского государства мирным путем, Киреев писал об отсутствии в России постоянной вражды правителя с народом, которая в Европе привела к формированию юридических гарантий их безопасности друг от друга. Согласно этой теории, русский народ сам призвал Рюрика, сам избрал Михаила Романова, Русь никто не завоевывал, а потому «между государем и большинством его народа не было политического „средостения“». Киреев остроумно замечал: «На Западе до такой степени привыкли к мысли, что монарха следует остерегаться, следует держать в конституционных тисках, не доверяя ни его прозорливости, ни его честности, что там никак и никто бы не допустил возможности такого факта, что если бы, например, русский народ был спрошен, кому он готов вручить свою судьбу — он бы почти единогласно указал на своего царя. Этому на Западе не верят». Киреев подчеркивал, что в Церкви монарх не имеет власти, является рядовым прихожанином, зато он — «всероссийский трибун», доверенное лицо народа, которое обязано верить в своё призвание. В противном случае «он превращается в ничто» [Киреев, 1912, II, 28, 77, 80]. «Государь... будет слаб лишь в том случае, если *подумает*, что он бессилен, если потеряет уверенность в самого себя, в свое всемогущество», — размышлял славянофил (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 121).

Таковы были теоретические взгляды Киреева на призвание монарха, отражавшиеся в его опубликованных статьях. Однако в них мы по понятным причинам не встретим характеристик отдельных императоров. Кем для Киреева были четыре

государя, которым он служил, — «народными трибунами» или «ничем»? Обратимся к его дневнику и письмам.

2. Николай I и Александр II в оценках А. А. Киреева

Николай I был крестным отцом Александра Киреева, а также его брата и сестры (замегаим, что слухи о Кирееве как незаконном сыне императора ничем не подтверждаются и должны быть решительно отвергнуты). Монарх проявлял неподдельную заботу об этом семействе и лично определил братьев Киреевых в Пажеский корпус, а затем и в лейб-гвардии Конный полк. Военную службу брата Киреевы начали в годы Крымской войны, обрушившей политическую систему Николая I. Не раз в течение жизни А. А. Киреев возвращался мысленно к образу своего первого покровителя.

Основным недостатком николаевской эпохи Киреев считал пренебрежение гуманитарным образованием и воспитанием общества, «технический уклон», «недоверчивое отношение к мысли»: «Бедный рыцарский царь, которого так жестоко обманывали и который так верил в возможность борьбы с идеей административными мероприятиями» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 451). Личность самого монарха для Киреева была образцом рыцарских качеств: «Император Николай был человек глубоко преданный России; никто больше его не дорожил ее величием, никто искреннее не желал ее блага, никто, конечно, не страдал больше покойного царя... Несомненно, Николай Павлович — величественная царственная фигура, не только физически, но и нравственно. Он несомненно любил Россию, готов был лечь за нее костями, работал неустанно на ее пользу и величие» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 233 об.; Д. 12. Л. 72). Мыслитель вспоминал: авторитет царя в то время был непререкаем, однако император явно «забывал, что можно не исполнять приказания и не сопротивляясь (просто будучи лентяем, или мошенником, или дураком)» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 72 об.). Чиновничий саботаж вкупе с внешними обстоятельствами (вероломством Австрии и других западных держав), по мнению Киреева, и привел к севастопольской катастрофе. Вместе с тем, полагал он, неудача 1855 г. не может обесценить прочих заслуг великого монарха: «Император Николай I растет по мере отдаления его эпохи, — писал Киреев. — Ясное сознание неколебимо преследуемых им целей давало великую силу его действиям» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15. Л. 53).

Вступление на престол Александра II молодой Киреев, полный либеральных надежд, приветствовал вместе с большей частью русского общества. Впрочем, император удостоивал Киреева личной беседы лишь несколько раз и зачастую был недоволен излишней политической активностью молодого и амбициозного полковника. Однако аудиенция у императора 31 декабря 1866 г. запомнилась Кирееву на всю жизнь: именно с этого дня он стал считать себя славянофилом, сторонником «земской монархии» под руководством такого мудрого правителя, как Александр II.

С годами авторитет императора падал все ниже и ниже, в том числе и в консервативных кругах. Киреев категорически не принял его любовницу, а затем вторую супругу Е. М. Долгорукову (княгиню Юрьевскую). Он буквально ненавидел ее, обвиняя в финансовых махинациях и зловредном вмешательстве во внутреннюю и внешнюю политику. «До какой степени этот слабый, несчастный человек был под влиянием своих увлечений... Он хотел короновать эту пройдоху!» — возмущался Киреев. Все чаще он рассуждал о слабых характеристиках Александра II, о его плохом образовании и воспитании, «тугодумстве», постоянных капризах. «Бедный, слабый, бесхарактерный человек! — восклицал мыслитель. — Винегрет в мыслях и чувствах, нет никакой цельности» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 281).

Киреев полагал, что великие дела Александр II совершил лишь благодаря тому авторитету, который власть заработала в эпоху его отца. Он был шокирован убийством императора 1 марта 1881 г., но вместе с тем увидел в свершившемся шанс на избавление России от угрозы дальнейших либеральных реформ. Царь-Освободитель, по мнению Киреева, сорвал русскую жизнь с прочных устоев, «нагородил

либеральной чепухи», «составлял себе иллюзии насчет своего государственного могущества... и воображал, что ведет Россию по равнодействующей, в то время как она шла отчаянными зигзагами» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 6. Л. 90 об.). Киреев критиковал «доброе царя-мученика» за неумение решать насущные вопросы, за передачу дел временщикам, отгородившим его от народа бюрократическим забором: Шувалову, Тимашеву, Лорис-Меликову, «содержанке» Юрьевской. «Его величие длилось недолго, — писал мыслитель. — Он действительно был велик в эпоху освобождения крестьян. Затем всё остальное велось не самостоятельно, не стойко, а многое сделано глупо, невпопад! А последние годы (Долгорукие) — постыдны... Страшно сказать, жаль, что государь не погиб после подписания Сан-Стефанского мира. Он погиб от рук злодея в то время, когда звезда его начинала меркнуть, Долгорукова его стянула бы в бездну» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 8. Л. 219, 222 об.; ОР РГБ. Ф. 224. К. 1. Д. 64. Л. 125 об. — 126).

Со своей стороны Александр II не раз покровительствовал многим общественным начинаниям Киреева, неоднократно награждал его, однако мыслитель ценил его лишь за освобождение крестьян и за объявление войны Турции, в целом же с нетерпением ждал окончания его царствования. Его надежды поначалу были связаны с наследником престола Николаем, к которому Киреев просился в адъютанты, но был отвергнут императрицей в 1862 г. из-за своего «философского направления». По его мнению, скончавшийся в 1865 г. цесаревич «был славянофильского направления и говорил, что если он будет царствовать, то переедет в Москву» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10. Л. 64 об.).

3. А. А. Киреев как сподвижник великого князя Константина Николаевича

Неудача с наследником Николаем повлекла за собой назначение Киреева адъютантом к брату царя — великому князю Константину Николаевичу. «Жребий брошен!» — записал Киреев, узнав о своем назначении 1 июля 1862 г. (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. Л. 100). Вся дальнейшая жизнь мыслителя окажется связанной с семейством великого князя: многие годы Киреев сопровождал его во всех поездках (сначала в период наместничества в Царстве Польском, а затем по всей Европе), вместе с ним ходил на приемы к различным европейским монархам и получал от них ордена, в последние годы жизни ухаживал за тяжело больным покровителем. После смерти Константина Николаевича в 1892 г. Киреев до конца своих дней продолжил жить в его дворце в Павловске и сопровождал в поездках его вдову, великую княгиню Александру Иосифовну.

Киреев считал себя единомышленником великого князя лишь по некоторым политическим вопросам: о необходимости реформ в Польше, о защите принципов реформы 1861 года от атак крепостников, о поддержке старокатоликов, о классических гимназиях. В 1881 г. Киреев писал своему патрону: «Защитив и утвердив классическую систему образования, Вы поставили русскую школу в уровень со школой европейской» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 2. П. 3604. Д. 11. Л. 1). Именно благодаря Константину Николаевичу удалось создать Петербургское отделение Общества любителей духовного просвещения, с которого началась сорокалетняя деятельность Киреева по сближению старокатоликов с православием (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2).

Сложнее обстояло дело с вопросами внутренней политики. В 60-е годы Киреев одновременно сочувствовал и М. Н. Каткову, и И. С. Аксакову, и своему покровителю великому князю. Однако они конфликтовали друг с другом, и начиная с 1864 г. молодой адъютант не раз брал на себя роль их примирителя ради совместного выступления против аристократов — сторонников газеты «Весть». Подробности этой борьбы за «одворянивание» земств под знаменем славянофильских идеалов советательной монархии рассмотрены в целом ряде работ [Христофоров, 2002, 165, 174,

178–193, 229–230; Воронин, 2009, 48–49, 77, 346–365; Медоваров, 2011, 54–57]. Отметим, что славянофильские симпатии великого князя Константина Николаевича всегда были крайне распылчататы, он в равной степени сочувствовал и умеренным либералам. Постоянные колебания великого князя между Киреевым и его ненавистными соперниками А. В. Головинным и К. П. Голенко продолжались все 60-е и 70-е гг. [Воронин, 2002, 201–204; Воронин, 2009, 8, 223, 228]. В то же время Киреев искренне поддерживал назначения Константина Николаевича на новые посты, считая, что он был «почти единственный человек, достаточно независимый для того, чтобы говорить государю правду, почти единственный, на кого государь может положиться» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 2. Л. 108). Но наряду с этим в дневнике Киреева нередко такие характеристики великого князя, как: «Бесхарактерный человек, им постоянно кто-нибудь вертит. <...> Он не понимает, чего хочет страна. <...> Я редко видал более умного и более, вероятно, легковверного в оценке людей человека, как великий князь. Сегодня одно и очень резкое, завтра другое — распыняется, хвалит... Удивительно, как этот необыкновенно даровитый человек часто бывает слеп! как он легко поддается влиянию разных окружающих его элементов» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 3. Л. 56 об.; Д. 4а. Л. 63; Д. 7. Л. 48 об., 59).

Следует иметь в виду, что несколько раз Константин Николаевич оплачивал долги Киреева, его брата и сестры, буквально спасая семейство от банкротства, а в 1871 г. выручил своего адъютанта, когда тот попал в угрожающую историю с неудачным сватовством к М. Э. Клейнмихель (Келлер), став жертвой финансовых махинаций и вызова на дуэль (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 2. П. 3611а. Д. 42. Л. 16 об.; ГАРФ. Ф. 722. Д. 100. Л. 32–34 об.). Однако когда сам великий князь стал сожителем с балериной А. В. Кузнецовой и имел от нее детей, Киреев воскликнул: «Какой способный человек пропадет из-за этой твари!». Он фактически отказался сопровождать Константина Николаевича в его поездках. За Кузнецовой последовали и другие фаворитки. «У тебя дон-кихотские понятия!» — кричал в ответ Кирееву великий князь (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 8. Л. 226; Д. 11. Л. 7). Кроме того, Киреев резко осудил шаги своего покровителя навстречу княгине Юрьевской. С 1875 г. между Константином Николаевичем и его адъютантом наступает период размолвки: к спору о Кузнецовой добавились расхождения по вопросу о войне с Турцией и стратегии развития Черноморского флота. В 1876 г. Киреев записывал: «Вся императорская фамилия относится враждебно к Константину Николаевичу. Должно сознаться, что великий князь не делает *ничего* для того, чтобы расположить к себе царскую фамилию и общество. Это происходит от упрямства, жесткости форм, необыкновенного нежелания стесняться, великокняжеской халатности. Как бы он мог стоять крепко, если бы умел и желал. Окружение его... ему вредят и портят его самого, потворствуя его страстишке... Все поколение наследника его не любит» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–22 об., 119). В 1879 г. Киреев сокрушался, что Константин Николаевич «испортил и *портит* свое положение и сам делает себя невозможным (как мне грустно!)... Великий князь радуется всякому вздору, всякой балаганщине, точно ему 12 лет и точно он воспитан не во дворце, а в трактире!» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 8. Л. 70 об., 74 об.) По словам славянофила, к 1880 г. Мраморный дворец превратился в «кабак и бордель». «Он сам себе роет политическую могилу», — полагал Киреев (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 8. Л. 153 об., 226 об.). Еще до убийства Александра II стали поговаривать об отставке великого князя со всех постов к юбилею его службы в августе 1881 г. В связи с первоапрельской трагедией это произошло раньше: враждебно настроенный к своему дяде Александр III поспешил лишить его всех властных полномочий уже в мае.

С этого времени Константин Николаевич стал склоняться к либеральной оппозиции новому курсу Александра III, осуждал контрреформу образования, контактировал с княгиней Юрьевской. Великий князь оставался противником введения конституции, но защищал прессу, земства, суды и говорил Кирееву: «Твои Катков и Победоносцев отняли у России свободу, которую даровал ей государь». «Он думает, что дела поправиться не могут, если не будут либеральничать! <...> Дитя! Совершенное

дитя!» — в ужасе писал Киреев, считавший, что либералы «ведут за нос» великого князя (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 8. Л. 230 об., 234; Д. 9. Л. 71–71 об., 195 об.). Константин Николаевич так и не примирился с Александром III, который, подписывая указ 24 января 1885 г., лишивший внуков своего дяди титула великих князей, с усмешкой заявил: «А это и к стати, он любит либеральничать, а это будет либеральная мера» [Воронин, 2008, 137].

Уже с конца 70-х годов Киреев сетовал на враждебность Константина Николаевича к философии, на практический, прикладной склад его ума. Мыслитель замечал: «У великого князя ум совершенно русский, ясный и пронизательный, быстро схватывающий сущность мысли, хотя б и мало ему знакомой. <...> Отличный диалектик» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. К. 21. Д. 2. Л. 30; Ф. 224. К. 1. Д. 64. Л. 88). Киреев тщетно пытался разъяснить своему патрону великому князю Константину Николаевичу разницу «между атеизмом и деизмом в смысле исходных начал этики». «Ему кажется, — отмечал Киреев, — что этика (и общественная мораль) держится как-то сама собою, независимо от состояния науки, что общественная мысль не влияет на общественную нравственность» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 39–39 об.). Немало усилий потратил мыслитель, например, убеждая Константина Николаевича в пагубности либеральных режимов для литературы и искусства (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10. Л. 157, 161).

Эти споры продолжались до тех пор, пока после инсульта в 1889 г. великий князь не утратил способность разговаривать и ему не пришлось проводить время лишь за чтением и игрой в домино. Киреев размышлял: «Ежели бы, при его способностях, ему было дано хорошее воспитание, он был бы выдающимся государственным человеком, но у него не было никакой философской подготовки. „Общих идей“ у него не было, он был воспитан „техником“... В истории (внутренней) России он прошел далеко но бесследно. Способности у него были блестящие, и воспитание он получил отличное, но ни в способностях, ни в воспитании не было ни малейшей философской подкладки. Это отсутствие общих идей имело самое дурное влияние на его деятельность» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 179, 183–183 об.).

В январе 1892 г. Константина Николаевича не стало. Киреев записал в дневнике: «Так кончил этот дурно воспитанный и очень односторонне развитый человек, одаренный необыкновенно сильным анализом и удивительной памятью. Синтеза у него не было никакого, поэтому он был склонен к естественным наукам, философию он не понимал, игнорировал ее... Умел схватывать на лету аргументы... Был очень незлобив, не помнил обид (мне, например, за его любовницу). Есть два дела, едва ли не самые важные за последние 30 лет (т. е. не считая освобождения крестьян), в которых его и мое участие мало замечены» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 373). Этими двумя свершениями великого князя Киреев, разумеется, считал «дело гимназического образования» и старокатолический вопрос. Сожалея о «добром, незлобивом покойнике», Киреев написал специально для А. Ф. Кони небольшие мемуары о нем, в которых, в частности, вспоминал: «Это был человек ума выдающегося, впечатлительный, нервный, верный слуга своего государя и глубоко ему преданный, что бы злые языки про него ни рассказывали... Но резкость его обращения, неумение его объективно спорить — создали ему много врагов... У великого князя ум совершенно русский, ясный и пронизательный, быстро схватывающий сущность мысли, хотя б и мало ему знакомой» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. К. 21. Д. 2. Л. 30).

4. А. А. Киреев и ветвь Константиновичей

Встречая непонимание со стороны Константина Николаевича, Киреев уделял особое внимание его законным детям, многих из них он фактически воспитал. Его глубоко огорчала печальная судьба старшего сына, Николая Константиновича. Наиболее теплые отношения сложились у Киреева с Ольгой Константиновной, рано выданной замуж за греческого короля Георга I из датской династии — женщиной удивительно пронизательной в политике и прожившей крайне несчастливую жизнь.

История сотрудничества Киреева с королевой Ольгой уже рассматривалась нами ранее [Медоваров, 2013, 217–220; Соколовская, Чуркина, 1996, 57–73].

Не менее плодотворными были контакты генерала с великим князем Константином Константиновичем, выдающимся поэтом (под именем К. Р.) и президентом Академии наук. Уже в 70-е годы XIX в. Киреев имел влияние на его воспитание, а в 1890-е и 1900-е годы великий князь неоднократно помогал генералу хлопотать по поводу наград и поощрений для различных людей, попавших в беду, передавал его статьи и письма Александру III и Николаю II, способствовал публикации ряда литературных трудов по протекции Киреева. Их обширная переписка представляет немалый интерес, но остается неопубликованной (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 2. П. 3604. Д. 6, 7, 8, 9, 30, 31; РО ИРЛИ. Ф. 137. Оп. 1. Д. 88. Л. 207–208). Характерно, что в ней великий князь подчеркивал свои симпатии к славянофильству. По мнению Киреева, Константин Константинович был образцом глубокой религиозности и нравственной чистоты. «Симпатичный, пишет недурные стихи, очень много чувства, тонкости, благородства, артистическая натура», — говорил о нем генерал (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 129 об.). О стихотворениях К. Р. он писал так: «Такая и должна быть поэзия, такое и должно быть искусство, оно должно быть поклонением добру, красоте и оно действует не дидактически, а вводит непосредственно в мир идеалов, внося этим в душу человека мир, спокойствие и благодать» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 13. Л. 29). Не раз Киреев желал видеть Константина Константиновича обер-прокурором Синода вместо Победоносцева. Впрочем, генерал с самого начала враждебно отнесся к супруге великого князя Елизавете Мавриковне, и ее отказ перейти в православие омрачал ее отношения с Киреевым до самого конца, несмотря на некоторое смягчение конфликта к началу XX в. [Тихомиров, 2001, 658–659]. Наконец, попытка реформы русской орфографии и ряд демонстративно либеральных решений Академии наук в 1904 г. на какое-то время поссорили генерала с Константином Константиновичем, но вскоре именно Кирееву великий князь доверил крестить свою дочь Веру (1906–2001), а в 1910 г. он лично хоронил генерала под пение собственного романса «Умер бедняга» [Дневник, 2015, 323].

5. А. А. Киреев о династии Романовых в эпоху Александра III

Вступление на престол Александра III Киреев воспринял с оптимизмом. При первой аудиенции молодой император произвел на него самое благоприятное впечатление: «бодрый, здоровый, могучий», «золотое сердце, чистый прямой характер» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 об.; Д. 10. Л. 177 об.). «Он у нас такой хороший, славный, русский, — писал Киреев королеве Ольге Константиновне. — <...> Ведь отчего происходят все колебания в наших делах? От одного лишь того, что его сбивают с толка разные трусливые советники, а иногда и своекорыстные, дрожащие за свои места. Когда он никого не слушается, когда действует сам — всегда выходит хорошо, ладно по-русски. Вся беда происходит от того, что он многого не знает, да и не может знать! ...Ах, как бы хорошо пошли дела, ежели бы он всё знал, ведь самодержавие самое лучшее правление, когда самодержец — не только всё может, но и всё знает» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 2. П. 3604. Д. 16. Л. 5). Однако Александр III, сетовал Киреев, многого не знает, ибо министры прячут от него подлинные сведения о положении дел в стране и даже не дают читать газеты: «Бедный царь! Как его обманывают и сбивают с толку!» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 324). В самом деле, Александр III относился к поздним славянофилам весьма прохладно, а самого Киреева хоть и произвел в 1888 г. в чин генерал-лейтенанта, однако удостоил аудиенции лишь четырежды за тринадцать лет своего правления и высказывался о нем критически.

Киреев не переставал удивляться честности, прямоте, высокой нравственности Александра III, его «силе и решительности», которые отсутствовали у его отца. Мыслитель восторгался: «У царя прямой и здравый ум, но нет инициативы, он мало имеет идей под руками. Нет общей программы!» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 281; Д. 11. Л. 89). Он был рад, когда Александр III читал его статьи: «Чего же более? Ежели бы я мог

говорить свое мнение государю, я был бы *вполне* счастлив» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 279 об.). Однако со временем всё чаще отмечал Киреев и отрицательные черты императора: «недостаток идей и убеждений», колебания, отсутствие единой идейной линии, наивное доверие к негодным министрам и сановникам, отгородившим царя от народа. С 1890 г. в дневнике генерала становятся частыми записи такого рода: «Честный, добрый, храбрый медведь! Которому трудно воевать с лисицами XIX столетия... Бедный государь окружен действительно забором, даже гораздо более высоким и плотным, нежели его отец... Бедный государь живет в заколдованном кругу, из которого нет исхода... Бедный, хороший, честный царь ничего не видит... Терпит около себя всякую грязь... Глупое и гадкое общество окружает государя», — сокрушался Киреев (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 10. Л. 39 об, 84; Д. 11. Л. 258 об., 306 об, 347 об., 366 об.). Общий вывод был неутешителен: «Непонятно, как такие нравственные люди, как царь и царица, терпят вокруг себя безобразников, пьянчужек... Государь положительно не терпит административа, а между тем весь в ее руках» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 434 об., 447).

Киреев считал Александра III светлым исключением на фоне большинством членов династии Романовых, погрязших во всевозможных личных и общественных пороках: «Вообще, двор наш всё более и более превращается в дворню» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7. Л. 63). Это касалось и Павла Александровича, и Алексея Александровича, и Петра Николаевича, и Николая Николаевича-старшего, но особое раздражение у генерала вызывал брат царя, великий князь Владимир Александрович со своей супругой Марией Павловной (которая лишь в 1908 г. приняла православие). В своем дневнике, начиная с 1870-х гг., Киреев постоянно обвинял Владимира Александровича в космополитизме, враждебности всему русскому и православному («антицерковное, антиславянское опереточное направление»), а также в пьянстве и даже в причастности к смерти М. Д. Скобелева. Сыновей великого князя мыслитель именовал не иначе как «отъявленной дрянью» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 157 об.; Д. 11. Л. 109; Д. 13. Л. 198 об.) Киреев последовательно выступал за прекращение браков Романовых с немецкими принцессами и разрешение бракосочетаний с русскими подданными.

Оценка поведения членов династии Романовых в целом — постоянная тема грустных размышлений Киреева в 80–90-е годы XIX в. «Если бы я был царем, я бы заставил всех великих князей покупать большие имения, быть помещиками, быть в живых сношениях с народом», — говорил мыслитель (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 3). Узость кругозора, положительное отношение к идее введения конституции в России, враждебность славянофильству, половая распущенность, склонность к язычеству, беззаботность по отношению к надвигающейся революции — вот перечень обвинений, которые Киреев регулярно бросал представителям династии, констатируя неуклонное падение престижа Романовых. Характерна его запись: «Да еще всякие великие князья тоже тянут в либеральный лагерь, не понимая, что сами-то они держатся лишь благодаря тому, что на них падают лучи государя» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9. Л. 180). Следует оценить по достоинству пронизательность Киреева, предвидевшего поведение многих великих князей и в 1905 г., и в перспективе накануне 1917 г.

Кончину императора осенью 1894 г. генерал воспринял как национальную трагедию. Подводя итоги царствованию Александра III, Киреев вспоминал его доброту, миролюбие, любовь к труду на благо Родины, безукоризненную нравственность: «Он не искал величия, оно его тяготило, как истинно русский человек, он не любил „государствовать“... и вот такого простого человека чествует весь мир. Явление небывалое, никогда *все* не жалели одного монарха» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 1, 4 об.). «Какие были отличительные свойства Александра III? Прямота, честность, непоколебимая верность слову, чистая, кристаллическая душа. Миришься с нашим временем, думая, что оно всё ж могло оценить человека честного и чистого. Никогда наш престиж не был так велик, как теперь, даже при Николае I, и наше влияние не было так велико» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 464–464 об.).

По прошествии нескольких лет Киреев дал несколько иную, более взвешенную оценку деятельности Александра III, которая, по его мнению, «имела чисто

отрицательный характер, правда, нужный, но отрицательный, а не созидательный» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 13. Л. 219). В годы его правления, подчеркивал Киреев, Россия потеряла всякое влияние на Балканах, а высокие посты заняли люди вроде И. Н. Дурново и В. П. Мещерского. Согласно Кирееву, это было следствием не столько неумения царя разбираться в людях, сколько ненужности умных людей для системы «замораживания» России: «Александр III должен был подтянуть поводья, остановить ход России. Но вместо того, чтобы через 2, 3, ну 4 года повести Россию по славянофильскому либеральному пути, Александр III продолжил затягивать поводья, давал машине задний ход... Но с его смертью авторитет погиб в противоречиях внешней и в особенности внутренней политики... При Николае II вожжи выскользнули из слабых рук царя, всё расплозлось» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 64 об., 184 об.).

6. А. А. Киреев, Николай II и его семейство

Оценка нового императора Киреевым определялась тем, что генерал внимательно следил за ростом и воспитанием Николая Александровича с самого его рождения. С удовлетворением отмечал он его ум и силу, его способность самостоятельно преодолевать дурные влияния воспитателей. Однако Киреева беспокоило то, что родители не давали цесаревичу ни жениться, ни серьезно участвовать в государственных делах, несмотря на его интерес к ним. В результате к 1894 г. цесаревич просто не имел случая проявить свой характер и государственный ум. По мнению генерала, он был «очень не подготовлен к своей будущей роли... Что он будет за человек: Говорят о различных свойствах его характера, но ничего не слышно о его мнениях, об общих его убеждениях. Свойства — хорошие, много такта, рассудительности, умеет писать и говорить» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 462; Д. 12. Л. 16). «Можно ли на него пенять? — вопрошал Киреев. — Держали в детской! И выпустили управлять Россией!.. При наилучших данных — полная неподготовленность к высокой и ответственной роли! Прощлое царствование не оставило ни одного живого государственного человека. Даст Бог, справимся! Теперь всё „приглядывается“. Работает царь — с невероятным, изумительным усердием», — писал Киреев в конце 1894 г. (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 71; Ф. 224. К. 1. Д. 64. Л. 127–128). «Государь, несомненно, хочет идти по следу своего отца», — с удовлетворением констатировал славянофил (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 9 об.).

Сам Николай II относился к Кирееву с большим уважением, всегда благосклонно выслушивая его советы. Летом 1895 г. Николай II наградил Киреева звездой ордена св. Владимира и с тех пор стал неизменно два-три раза в год принимать мыслителя и беседовать с ним о положении Церкви, о внешней политике, о дуэльном кодексе. Киреев записывал об этих первых встречах: «Какое же общее впечатление? Прекрасное — *потенциально*. Желание полное, сильное служить добру и правде, служить России и исполнять свой царственный долг, но впечатление такое, что вот после меня придёт проходимец-плут министр и надует бедного юношу, обойдёт его, обойдёт, как $2 \times 2 = 4!$ » (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 24 об. — 25, 96 об. — 97). Неоднократно упоминая «большие умные глаза» монарха, мыслитель не мог в то же время не заметить: «Неустойчивы его принципы, или вернее, слишком общие, и не применяются к жизни... Читаешь искреннейшее желание добра, но чувствуешь, что придет другой собеседник, и всё впечатление улечивается» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 73; Д. 13. Л. 50). К примеру, великий князь Константин Константинович писал Кирееву: «Государь — кристаллический шар, чистый, прозрачный, без малейшей пылинки или фальши... Но его нужно поставить и толкнуть! Тогда он и покатится» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 105). С другой стороны, в ответ на желание молодого императора быть «вторым Николаем» Киреев скептически заметил: «Дай Бог, чтобы царь имел такую же твердость характера, так же высоко держал знамя России, но и не дай Бог, чтобы он был так же слеп, как его прадед, чтобы он так же недоверчиво относился к мысли» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 17 об. — 18).

Киреев порицал имевшие хождение в 90-е годы планы создания регентского совета. Уже в 1897 г. он отмечал, что Николай II «умственно возмужал», влияние его матери Марии Фёдоровны на политические дела уменьшилось. Киреев писал: «Bravo! Царь начинает операться... Очень много добродушия, вдумчивость; внимание, наивность в вопросе» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 123 об., 179, 181, 217, 226). Киреев с радостью отмечал, насколько прост и неформален в общении новый император. «Когда царь в чем-нибудь убежден, он крепок, — писал генерал. — Всё лучше и лучше слушает. Мне кажется, что всё-таки что-нибудь у него и останется в уме» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 236).

В начале 1900-х гг. Николай II уже в основном принимал решения, исходя из личных аудиенций, чтения записок и выслушивания министерских докладов. По мнению Киреева, среди Романовых царил беззаботность: «Удивительное ослепление. Им кажется, что положение наше совершенно гарантировано, что живем мы „как у Христа за пазухой“» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 13. Л. 171). Чтобы молодой монарх увидел масштабы угрозы, Киреев в 1903 г. выпустил ограниченным тиражом для царской семьи и высших сановников свою записку «Россия в начале XX столетия». Мыслитель пояснял: «Кажется, да даже и наверное, никто еще царю не говорил этого с такою систематичностью и полнотою, и кажется, ясностью. Чего бы я желал? Чтобы царь, сознав, что я прав, принял мою (славянофильскую) программу и хотя бы принципиально об этом заявил, это бы торжественно сказал» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 13. Л. 215–215 об., 267). В то же время Киреев писал Л. А. Тихомирову: «Влиять на него так, чтобы вызвать какое-либо прямое действие, едва ли возможно. У государя „накаплиются“ впечатления и появляются потом вдруг, *непосредственно*. Что он прочтет, это верно, что он задумается, это вероятно. Но что он вследствие этого сделает?» (ГАРФ. Ф. 634. Д. 11. Л. 146в).

В 1903–1904 гг. постоянным мотивом дневника Киреева становится беспокойство о влиянии различных сомнительных авантюристов при дворе, от А. А. Клопова до Н. А. Филиппа. Однако и самого Киреева император по-прежнему ценил. 9 марта 1904 г. он наградил его орденом св. Александра Невского, после чего Киреев обратился к нему со смелым призывом к реформам. 21 июня 1905 г. в числе депутации от членов Отечественного союза он был снова принят Николаем II и преподнес ему свой проект законосовещательного земского собора. Ранее, в мае, Киреев дважды встречался с императрицей Александрой Федоровной и разъяснял ей отличие земского собора от парламента. Речь Николая II 6 июня, обещавшая его единение с народом на самобытных началах, была составлена под явным влиянием Киреева, который воспринял призыв царя вернуться к идеалам старины как победу славянофилов.

Однако манифест 17 октября Киреев воспринял как крах всех своих надежд, и большую долю ответственности за это возлагал на не внявший его запискам монарха: «Царь просто действовал неразумно, именно он своими ошибками довел Россию до беды — ошибками политики внутренней и внешней» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 42). Киреев упрекал Николая II в мягкости и безволии, в метаниях влево и вправо и даже допускал мысли о смене монарха. Правда, в 1906 г. Николай II признавался, что многочисленные письма и записки Киреева открыли ему глаза на ситуацию. Впрочем, и после этого Киреев, споря с Л. А. Тихомировым, не верил, что консерваторам удастся склонить государя на свою сторону.

4 июля 1907 г. Николай II присвоил Кирееву звание полного генерала. Воспользовавшись этим, тот немедленно вручил царю записку, призывающую довести дело переворота 3 июня до конца и вернуть Россию «к ее исконному самодержавно-совещательному строю», «жить по старине и управлять Россиею по старине» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 231–233; К. 21. Д. 2. Л. 9–13 об.): «А Вы могли это сделать, Государь; *Вы можете еще всё!* Не судите о России по нашим двум Думам... это не изображение ее, а ее карикатура; это сброд полуграмотных политиканов, порожденных Виттевскими „свободами“». После положительной реакции Николая II Киреев отметил: «В уме его происходит поворот от 17 октября (сторонником которого является Столыпин) к *идее совещательности*» (ОР РГБ. Ф. 265. П. 190. Д. 32. Л. 51–52).

В декабре 1907 г. генерал уверенно констатировал: «В повороте мысли царя на славянофильскую дорогу есть следы и моих речей и записок» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 259 об.). События 1908–1910 гг., впрочем, показали, что Николай II продолжает колебаться в своем отношении к монархистам. «Государь... до такой степени шаток, что на него нельзя рассчитывать. На себе это я испытывал не раз... Убеждаешь, кажется, совсем человек убедился, всё отлично понял... и в результате тебе 0!» — писал Киреев (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 343 об.). Но в то же время он отмечал: «В сущности и сам царь — правый, монархист. Он только „прикидывается“, что он нами недоволен» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 276 об.). Каждый раз, когда Николай II шел вопреки мнению Думы и Государственного Совета, Киреев был в восторге. В то же время ему казалось, что монарх самоустраивается от дел, ожидая Божьей кары за грехи России и увлекшись мистицизмом.

Следует сказать несколько слов об отношении Киреева к императрице Александре Федоровне. В отличие от неизменно холодного и отчужденного отношения к Марии Федоровне, к молодой царице генерал сразу проникся глубокой симпатией. Еще до ее бракосочетания с Николаем, 8 апреля 1894 г., он писал: «Если она, нравственно, хоть отчасти будет походить на свою сестру Елисавету Федоровну, то у нас будет *настоящая* императрица!» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 11. Л. 448). В последующие годы Киреев много раз давал высокую оценку способностям Александры Федоровны (например, «тип красивой, мощной русской царицы»; «умная, *даровитая*, но крайне сдержанная» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 12. Л. 90)) и возлагал на нее политические надежды в смысле перехода к славянофильскому курсу. Эти оценки в дневнике Киреева резко изменяются с 1902 г., когда царица, желавшая родить наследника, начала прибегать к услугам мистиков (Папюс, Филипп Лионский, позже Распутин). В 1904 г. мыслитель писал о ней: «Странная глубокая натура. На подкладке практической англичанки явилась мистически настроенная русская. Глубоко верующая, даже мечтающая о божественных делах среди бала или обеда во дворце. У нее даже сложилась мысль о религиозном значении самодержавия. Она смотрит на Россию сквозь призму саровских торжеств, московских великопостных народных оваций» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 13. Л. 309 об.). Неоднократно беседуя на протяжении 1905 г. с императрицей о созыве земского собора, Киреев все больше был склонен приписывать ей «религиозно-фаталистическое мировоззрение». Считая его политически нецелесообразным, он в то же время продолжал хвалить Александру Федоровну за превосходные личные качества, как «женщину практического ума и большой воли» (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 182 об.). Однако перед самой смертью Киреев переживал, что императрица под влиянием Распутина часами молится, поскольку ее мучают сны об убийстве всей царской семьи (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 15. Л. 86).

В то же время некоторые политические надежды Киреев, как и другие современники, связывал с цесаревичем Алексеем. Уже в 1907 г. генерал отмечал: «Алексей — внимательный, умный. If ever?» — тем самым выражая сомнение в том, доведется ли ему царствовать. Записи с похвалами уму и способностям наследника Киреев делал и позднее (ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 14. Л. 245 об., 279, 344; ГАРФ. Ф. 634. Д. 17. Л. 94 об.).

Подведем итоги. А. А. Киреев как мыслитель имел четкое представление об образцовом поведении монарха и членов династии, однако на практике видел значительный разрыв между реалиями дома Романовых и славянофильским идеалом. Лишь Александр III и Николай II частично соответствовали представлению Киреева о царе как «народном трибуне», да младшие Константиновичи удостоились его похвал за свою культурную деятельность. Но даже глубокая взаимная симпатия, связывавшая генерала с Николаем II, не могла изменить его скептического отношения к политическому курсу императора. В этом заключается личная трагедия полувековой службы А. А. Киреева при дворе и горький урок его социально-философских воззрений.

Источники и литература

Источники

1. ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РГБ. Ф. 126 (Киреевы).
ОР РГБ. Ф. 224 (С. А. Петровский).
ОР РГБ. Ф. 265 (Самарины).
2. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАРФ. Ф. 634 (Л. А. Тихомиров).
ГАРФ. Ф. 722 (великий князь Константин Николаевич).
3. РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы РАН
РО ИРЛИ. Ф. 137 (великий князь Константин Николаевич).

Литература

4. Воронин (2008) — *Воронин В. Е.* Великий князь Константин Николаевич и попытка создания «оппозиции Его Величества» в первые годы царствования Александра III // Отечественная история. 2008. № 5. С. 131–139.
5. Воронин (2002) — *Воронин В. Е.* Великий князь Константин Николаевич: становление государственного деятеля. М., 2002. 244 с.
6. Воронин (2009) — *Воронин В. Е.* Русский правительственный либерализм в борьбе против «аристократической партии» (середина 60-х — середина 70-х гг. XIX в.). М., 2009. 369 с.
7. Дневник (2015) — Дневник великого князя Константина Константиновича. 1909–1910 гг. М., 2015. 560 с.
8. Киреев (1896) — *Киреев А. А.* Краткое изложение славянофильского учения. СПб., 1896. 90 с.
9. Киреев (1912) — *Киреев А. А.* Сочинения: в 2 т. СПб., 1912. Т. 1. 487 с.; Т. 2. 452 с.
10. Медоваров (2011) — *Медоваров М. В.* Земство и дворянство в политической борьбе в 1865–1868 гг. (по материалам дневника А. А. Киреева) // Наш «Анабасис»: Сборник статей студентов, магистрантов и аспирантов. Вып. 8–9. Н. Новгород: ННГУ, 2011. С. 54–57.
11. Медоваров (2013) — *Медоваров М. В.* Генерал А. А. Киреев, королева Ольга и русско-греческие отношения во второй половине XIX — начале XX вв. // Теория и практика общественного развития. 2013. № 1. С. 217–220.
12. Соколовская, Чуркина (1996) — *Соколовская О. В., Чуркина И. В.* Переписка греческой королевы Ольги Константиновны Романовой с генералом А. А. Киреевым // Славяноведение. 1996. № 4. С. 57–73.
13. Софьин (2016) — *Софьин Д. М.* Великий князь Сергей Александрович: путь русского консерватора. М., 2016. 240 с.
14. Софьин (2013) — *Софьин Д. М.* Романовы. Консерваторы. Власть: политико-династические представления российских консерваторов и членов Императорского Дома, конца XIX — начало XX века. Пермь, 2013. 284 с.
15. Тихомиров (2001) — *Тихомиров Л. А.* Тени прошлого. М., 2001.
16. Хомяков (1993) — *Хомяков Д. А.* Самодержавие // Церковь о государстве. Старица, 1993. С. 22–30.
17. Христофоров (2002) — *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция великим реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М., 2002. 432 с.

Maksim Medovarov. Late Slavophil Alexander Kireev and Romanov Dynasty.

Abstract: The article is devoted to the images of Russian Emperors from Nicholas I to Nicholas II as well as Grand Dukes and other members of Romanov family in the traits, letters and diaries by General Alexander Kireev who was the intellectual leader of the late Slavophilism. There is shown the connection between theoretical representation of an ideal monarch in his social philosophy and his opinion on real Russian rulers. Kireev's views on Nicholas I and his complicated relationship with Alexander II and his successors are under consideration. The special attention is drawn to Grand Duke Konstantin Nikolaevich whose adjutant Kireev was, and to his descendants, especially to Grand Duke Konstantin Konstantinovich and Queen Olga of Greece. Some ways of political influence of court General are also demonstrated. Reasons for his negative attitudes to manners of many members of Romanov family are shown. There is described a complicated picture of double-faced characteristics of Alexander III in Kireev's heritage as well as reasons for his increasing influence on Nicholas II. The growth of critical remarks on Emperor's family after 1905 and Kireev's disappointment in the last Russian Monarch is analyzed.

Keywords: Alexander Kireev, Slavophilism, monarchy, Russian Empire, Romanov dynasty, Nicholas I, Alexander II, Alexander III, Nicholas II, Grand Duke Konstantin Nikolaevich, Grand Duke Konstantin Konstantinovich, Queen Olga Konstantinovna.

Maksim Viktorovich Medovarov – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer at the N. Lobachevsky Nizhny Novgorod National Research State University (mmedovarov@yandex.ru).

Sources and References

Sources

1. OR RGB – Otdel rukopisey Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [Department of Manuscripts of the Russian State Library]
OR RGB. F. 126 (Kireyevi) [Kireyevs]. (In Russian).
OR RGB. F. 224 (S. A. Petrovskiy) [S. A. Petrovskiy]. (In Russian).
OR RGB. F. 265 (Samarini) [Samarins]. (In Russian).
2. GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archives of the Russian Federation]
GARF. F. 634 (L. A. Tikhomirov) [L. A. Tikhomirov]. (In Russian).
GARF. F. 722 (velikiy knyaz' Konstantin Nikolaevich) [Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. (In Russian).
3. RO IRLI – Rukopisnyy otdel Instituta russkoy literatury RAN [Manuscript department of the Institute of Russian Literature at the Russian Academy of Sciences]
RO IRLI. F. 137 (velikiy knyaz' Konstantin Nikolaevich) [Grand Duke Konstantin Nikolaevich]. (In Russian).

References

4. Dnevnik (2015) – *Dnevnik velikogo knyazya Konstantina Konstantinovicha. 1909–1910 gg.* [Journals of Grand Duke Konstantin Konstantinovich. 1909–1910]. Moscow, 2015, 560 p. (In Russian).
5. Khomyakov (1993) – Khomyakov D. A. Samoderzhavie [Autocracy]. *Tserkov' o gosudarstve. Staritsa*, 1993, pp. 22–30. (In Russian).
6. Kireev (1896) – Kireev A. A. *Kratkoe izlozhenie slavyanofil'skogo ucheniya* [Summary of the Slavophil doctrine]. Saint-Petersburg, 1896, 90 p. (In Russian).

7. Kireev (1912) — Kireev A. A. *Sochineniya: v 2 t. [Collected Works, in 2 vol.]*. Saint-Petersburg, 1912, vol. 1, 487 c.; vol. 2, 452 p. (In Russian).
8. Khristoforov (2002) — Khristoforov I. A. «Aristokraticeskaya» *oppozitsiya velikim reformam (konets 1850-kh — seredina 1870-kh gg.)* [“Aristocratic” opposition to the Great Reforms (late 1850s — mid-1870’s)]. Moscow, 2002, 432 p.
9. Medovarov (2011) — Medovarov M. V. *Zemstvo i dvoryanstvo v politicheskoy bor’be v 1865–1868 gg. (po materialam dnevnika A. A. Kireeva)* [Zemstvo and the nobility in the political struggle in 1865–1868 (based on the materials of A. A. Kireev’s Journals)]. *Nash «Anabasis»: Sbornik statey studentov, magistrantov i aspirantov*. Nizhniy Novgorod: NNGU, 2011, is. 8–9, pp. 54–57. (In Russian).
10. Medovarov (2013) — Medovarov M. V. General A. A. Kireev, koroleva Ol’ga i russko-grechskie otnosheniya vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv. [General A. A. Kireev, Queen Olga and Russian-Greek relations in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013, no. 1, pp. 217–220. (In Russian).
11. Sokolovskaya, Churkina (1996) — Sokolovskaya O. V., Churkina I. V. *Perepiska grecheskoy korolevy Ol’gi Konstantinovny Romanovoy s generalom A. A. Kireevym* [Correspondence of the Greek Queen Olga Konstantinovna Romanova with General A. A. Kireev]. *Slavyanovedenie*, 1996, no. 4, pp. 57–73. (In Russian).
12. Sof’in (2016) — Sof’in D. M. *Velikiy knyaz’ Sergey Aleksandrovich: put’ russkogo konservatora* [Grand Duke Sergey Aleksandrovich: Path of the Russian Conservative]. Moscow, 2016, 240 p. (In Russian).
13. Sof’in (2013) — Sof’in D. M. *Romanovy. Konservatory. Vlast’: politiko-dinasticheskie predstavleniya rossiyskikh konservatorov i chlenov Imperatorskogo Doma, kontsa XIX — nachalo XX veka* [The Romanovs. Conservatives. Power: political and dynastic representations of Russian conservatives and members of the Imperial House, late XIX — early XX century]. Perm’, 2013, 284 p. (In Russian).
14. Tikhomirov (2001) — Tikhomirov L. A. *Teni proshlogo* [Shadows of the Past]. Moscow, 2001. (In Russian).
15. Voronin (2008) — Voronin V. E. *Velikiy knyaz’ Konstantin Nikolaevich i popytka sozdaniya «oppozitsii Ego Velichestva» v pervye gody tsarstvovaniya Aleksandra III* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich and an attempt to create “opposition of His Majesty” in the first years of the reign of Alexander III]. *Otechestvennaya istoriya*, 2008, no. 5, pp. 131–139. (In Russian).
16. Voronin (2002) — Voronin V. E. *Velikiy knyaz’ Konstantin Nikolaevich: stanovlenie gosudarstvennogo deyatelya* [Grand Duke Konstantin Nikolaevich: the formation of a statesman]. Moscow, 2002, 244 p. (In Russian).
17. Voronin (2009) — Voronin V. E. *Russkiy pravitel’stvennyy liberalizm v bor’be protiv «aristokraticeskoy partii» (seredina 60-kh — seredina 70-kh gg. XIX v.)* [Russian government liberalism in the struggle against the “aristocratic party” (mid-60’s — mid-70’s of the XIX century)]. Moscow, 2009, 369 p. (In Russian).